

Вичкошпа

Обреченная на власть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вychkoshа Вychkoshа

Обреченная на власть

<https://litres.ru/74079669>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда рушится порядок — выбор становится оружием.

Любовь — её проклятие, долг — её тюрьма.

Она должна сохранить мир, построенный на лжи.

Но одна ошибка, одно чувство — и граница между реальностями треснула.

Её сила рождается из боли, её сердце — из огня.

Чтобы восстановить равновесие, ей придётся разрушить всё, что осталось от неё самой

Содержание

Тидеррия. Кромвелл.	4
Агон	37
Кромвелл.	62
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Вучкоша

Обреченная на власть

Тидеррия. Кромвелл.

5 дней до коронации

Дверь скрипя распахнулась — протяжно, надсадно, будто сама устала за день не меньше моего. Я зашёл в квартиру и на секунду замер на пороге, давая глазам привыкнуть к тусклому свету. Дома как обычно пахло не едой, а железками и бумагой. Сухой, металлический запах оружейного масла смешивался с пылью старых фолиантов, а где-то под этим угадывался ещё и тонкий, почти неуловимый аромат цитруса и трав — её запах, вьёвшийся в стены и мебель. Холодный, колючий, но почему-то именно он дарил мне покой. В этой небольшой квартире, затерянной среди тысяч таких же серых бетонных коробок, не существовало никакого другого мира, кроме нашего. Только здесь я мог дышать по-настоящему.

Я задержался у порога чуть дольше обычного. Сегодняшний рейд вымотал меня до костей. Мы гнали оборотня через весь восточный сектор — от старой суконной фабрики

до заброшенных доков на побережье. Тварь ушла в воду, и нам пришлось ждать два часа в засаде, промокнув под ледяным дождём, прежде чем она вылезла на берег. Я лично вогнал ей серебряный штырь в основание черепа. Она рухнула, дёргаясь, и её жёлтые глаза погасли, как масляные лампы, в которых кончилось масло.

— Эл, я дома!

В ответ тишина — густая, ватная, — но это тоже как обычно. Я закрыл за собой дверь, отсекая шум лестничной клетки: приглушённые голоса соседей, далёкий лай собаки, дребезжание трамвая где-то внизу. Звук засова показался мне самым надёжным звуком в мире. Стащил с плеч пропитанную потом и кровью кожаную куртку. Она была тяжёлой, будто впитала в себя весь страх и грязь сегодняшнего рейда, и пахла сырой землёй, гарью и чем-то ещё, о чём не хотелось думать. Я бросил её на крюк у двери — она глухо шлёпнулась и закачалась. Наконец-то скинул ужасно грязные ботинки, чувствуя, как ноют стопы после многочасовой погони по булыжным мостовым, и босиком поволокся в сторону гостиной. Половицы под ногами были тёплыми и чуть поскрипывали, встречая меня как старого друга. Я знал каждую скрипучую доску в этой квартире — третья от двери, шестая у окна, — и давно научился обходить их, когда Лейла спала.

Коридор был узким, заставленным коробками с её инструментами. Я провёл рукой по стене, и пальцы нащупали знакомую трещину в штукатурке — она появилась год назад,

когда мы слишком громко праздновали её день рождения, и сосед снизу колотил по трубе. Лейла тогда смеялась так, что не могла стоять.

В комнате было темно. Горела лишь одна настольная лампа на низком столике, выхватывая из мрака островки лихорадочной работы. Жёлтый, мягкий свет заливал разбросанные по полу листы кальки и чертежи — они лежали повсюду, как осенние листья. Лейла сидела прямо на полу, скрестив ноги, и что-то сосредоточенно чертила, закусив губу. Свет лампы золотил её волосы, собранные в небрежный пучок, из которого уже выбилось несколько прядей, и оставлял лицо в мягкой тени. Она даже не подняла головы, когда я вошёл, — полностью растворилась в своих схемах, как и всегда.

Я остановился в дверном проёме, скрестив руки на груди. Просто смотрел на неё. На то, как она хмурится, как покусывает кончик карандаша, как её пальцы, испачканные чернилами и химикатами, выводят ровные линии. Она была так увлечена, что не замечала ничего вокруг. За это я её и полюбил когда-то — за эту способность исчезать в своей работе, забывая о времени, о еде, обо мне иногда. За то, что она горела.

— Этим не остановить демонов, — холодно сказал я, прислонившись плечом к дверному косяку. Слова вырвались жёстче, чем хотелось. Но я просто невозможно устал. Устал от бесконечных попыток сделать этот мир лучше, устал возвращаться домой и видеть её, сторбившуюся над чертежами,

вместо того чтобы отдыхать. Устал знать, что мы гонимся за горизонтом.

— Да, но этим можно остановить то, что мы можем остановить. — Она наконец подняла голову, и её ярко-зелёные глаза, окружённые тенями недосыпа, встретились с моими. В них не было гнева. Только тихая, глубокая печаль и упрямство. — Оборотни и вампиры, Лоренц. Они нападают на нас. А за этим окном живут обычные люди, которые понятия не имеют, что нам вообще надо что-то останавливать.

Она сделала неопределённый жест рукой в сторону тёмного окна, за которым дребезжал редкий трамвай и светились жёлтые квадраты чужих кухонь. Я подошёл к окну и выглянул. Там, внизу, в доме напротив, женщина наливала чай, мужчина читал газету, ребёнок бегал вокруг стола. Обычная жизнь. Обычный вечер. Там был мир, который мы защищали, но которому не принадлежали. Мир, в который мы никогда не сможем вернуться.

— Они не знают, — сказал я тихо. — И никогда не узнают.

Лейла снова устала в чертежи, но я видел, что она не видит линий. Её плечи были опущены от усталости, пальцы дрожали, сжимая карандаш. Я подошёл, опустился на колени рядом с ней и положил ладонь на её нежное, хрупкое плечо. Под моей огрубевшей, покрытой шрамами рукой она казалась фарфоровой статуэткой — такой же прекрасной и такой же уязвимой. Лишь касаясь её, я чувствовал спокойствие. Всё напряжение дня — крики, бой, страх, — всё от-

ступало, когда я просто прикасался к ней. Только с ней, в этом тихом полумраке, я мог позволить себе слабость и отдых. Сбросить маску вечного солдата.

— Мы не защищаем их, мы лишь держим линию, которая уже трещит по швам, — сказал я, сам слыша усталость в своём голосе. — Генерал говорит, их активность растёт. Ад

— Он только о войне и говорит! — отрезала она, не дослушав меня. Её тон мог показаться гневным, но я знал эту интонацию. Это была не ярость, это была печаль — горькая, застарелая, похожая на стон души. — Я говорю тебе о людях. Тысячи жителей Тидеррии. Они прямо тут, за стеклом. Ходят на работу, влюбляются, ссорятся из-за мелочей. Они не должны знать, что от чьего-то плохого настроения в Аду на них сваливается оборотень. Наше с тобой дело — держать их в неведении, раз уж нам не повезло в нём остаться.

Она замолчала, и в комнате стало совсем тихо. Только часы тикали где-то на кухне да вода капала из крана. Кап-кап-кап. Я давно собирался починить этот кран, но всё не было времени. Времени не было ни на что, кроме войны.

— Я понимаю, Эл, — я погладил её плечо, чувствуя тепло даже сквозь ткань рубашки. — Но можем мы хоть иногда отвлекаться от этого? Мы ведь такие же люди. Когда последний раз мы проводили вечер, не думая о спасении мира?

Конечно, это был риторический вопрос. За окном шумел вечный город, а я не помнил тишины без предчувствия боя. Таких вечеров не было так давно, что мы и не считаем.

Мы познакомились с Эл в академии Кромвелла — мрачной цитадели, пропитанной запахом сырого камня и старых обетов. Мне было шестнадцать, ей — четырнадцать. Меня забрали после нападения вампиров на мою семью, и тогда, лёжа на жёсткой койке лазарета, глядя в потолок и слушая, как за стеной тренируются старшие охотники, я поклялся стать лучшим. Утопить боль в мести, потому что больше мне было некуда её деть.

Моя семья погибла. Я до сих пор помню тот день до мельчайших подробностей — помню запах дождя за окном, помню, как скрипнула половица в коридоре за секунду до первого крика. Ночь, разрезанная на части криком матери. На её глазах они убили сестру — быстро и страшно, словно сломали игрушку. Я слышал влажный хруст и смех. Такой обыденный, почти весёлый смех. Отец пытался бороться, но мы были слепы, мы ничего не знали о них. Их не убить простому человеку — ни пулей, ни ножом. Они вышли поживиться и просто играли, убивая семьи одну за другой. За сестрой убили отца, потом мать. Я забился в угол, заслоняясь стулом, но тварь вцепилась мне в плечо. Укус горел адским пламенем, меня швырнули об стену, посчитав мёртвым. Зачищавшие место бойни охотники подобрали меня среди трупов. С того дня я служу Кромвеллу.

Шрам на плече всё ещё иногда ныл по ночам — особенно в сырую погоду, как сегодня. Я привык. Я ко многому привык за эти годы.

Лейла пришла сама. Она не была жертвой — она была охотником иного рода. Её дотошность до знаний, её острый, как бритва, ум вывели её на следы нечисти и привели в крепость. Она наш лучший инженер. Пока я проливаю кровь, она чертит схемы, варит эликсиры, разбирает артефакты. Мы всего лишь люди — из плоти и костей, из страхов и надежд, — но она делает нас настоящими врагами для порождений тьмы. Она — мой свет в этом мраке, который никогда не рассеется до конца.

Я опустился на колени рядом с ней и нежно поцеловал в макушку. Моя крохотная, но такая сильная девочка. Сколько же мы прошли с ней за эти десять лет — от неуклюжих подростков, столкнувшихся в коридоре академии, до тех, кем стали теперь. А её волосы всё так же пахнут цитрусом и зеленью. Жгучая смесь аконита и вербены — для неё уже как духи, профессиональная метка, которую не смыть никаким мылом. Её ярко-зелёные глаза всё так же горят желанием всех спасти, всех защитить, всё исправить. Она ответила на мой поцелуй, коротко коснувшись губами моей щеки, и прилегла на меня, позволив себе наконец расслабиться.

— Я же вижу, что ты устала. Может, пора отдохнуть?

— Я не закончила, Лоренц. Мне нужно ещё пару часов. — Она сделала глубокий вдох и, улегшись поудобнее, продолжила уже тише, задумчивее: — Как ты думаешь, почему увеличилось количество нападений? Что-то явно идёт не так.

Она говорила это не со страхом, а с азартом — тем са-

мым, который я так любил. С желанием докопаться до истины, разобрать проблему на детали и собрать заново.

— Не знаю. Мы ведь никогда не были за пределами этого мира. Всё идёт из Ада, не зря же они правят всем. Со дня на день там должен смениться правитель. Наследнику должно исполниться двадцать один

— Мне кажется, всё не так просто. — Она нахмурилась, и я видел, как в её голове уже крутятся сотни версий. — А если мы боремся не с теми? Если враг не в Аду? Вдруг генерал не знает, о чём идёт речь?

— Не стоит, Лейла, — сказал я немного грубо и жёстко, но моя преданность генералу не знала границ. Я слишком многим был ему обязан, чтобы допускать сомнения. — Он знает, что делает. Благодаря нему мы все живы.

Генерал нашёл меня, пятнадцатилетнего, на пепелище. Он сам вытащил меня из-под обломков — не в переносном смысле, в прямом. Балка рухнула, когда они зачищали дом, и он закрыл меня собой. У него до сих пор шрам через всю спину. Я никогда не забуду этого. Никогда не смогу забыть.

Она не стала спорить. То ли поняла, что сейчас не время, то ли просто слишком устала. Я наклонился, схватил её за талию и поднял на руки, унося в сторону спальни. Эл не сопротивлялась — наоборот, обвила руками мою шею и прижалась ближе, как будто ждала этого и была рада, что я принял решение за неё.

Мы плюхнулись на свежестеленную постель. Это всегда

было самое уютное место в доме — хрустящее, пахнущее лавандой одеяло, четыре огромные подушки, в которых можно утонуть, и этот волшебный, едва уловимый запах мускуса, который оставался на ткани от наших тел. Она подползла ко мне ближе и уткнулась лицом в грудь, сворачиваясь калачиком. Я обнял её, чувствуя, как её дыхание замедляется, а напряжение наконец уходит из плеч.

— Обещай мне, что, даже если начнётся хаос, мы всегда будем друг у друга, — прошептала она куда-то в ткань моей рубашки.

— Конечно, — почти шёпотом договорил я и потянулся к её губам. — Я всегда буду с тобой.

Я еле успел договорить последние слова. Желание поцеловать её было выше желания говорить. Наши губы встретились. Каждый наш поцелуй всегда ощущался как первый — дрожь по телу, искра между нами, мир, исчезающий где-то далеко за стенами. Всё тело наполнило тепло, а в животе приятно закололо — то самое чувство, ради которого стоило возвращаться домой. Я держал её в руках, и в этот миг не было ни войны, ни демонов, ни пророчеств. Только мы.

Я проснулся посреди ночи оттого, что она снова встала. Полоска света под дверью гостиной — значит, опять работает. Я полежал немного, глядя в потолок, потом вздохнул, натянул штаны и пошёл к ней. Она сидела на полу, обложившись книгами, и что-то быстро писала. Увидела меня — виновато улыбнулась.

— Не могла уснуть, — сказала она.

— Я знаю.

Я сел рядом, обнял её за плечи. Она положила голову мне на плечо, и мы сидели так, молча, пока она не уснула. И я снова отнёс её в кровать.

Утро в Кромвелле наступило серое, сырое, какое-то ватное. Я проснулся раньше Лейлы — она дышала тихо, уткнувшись носом в мое плечо, — и еще минут десять лежал, глядя в потолок и слушая, как крепость оживает за стенами. Где-то на плацу уже кричали команды, звенело железо, бухали сапоги по брусчатке. В казармах топили печи, и в воздухе стоял легкий запах угольного дыма, который просачивался даже в нашу башню.

Лейла завозилась, пробормотала что-то про тосты и снова затихла. Я поцеловал ее в висок и вылез из-под одеяла.

Кромвелл не был обычным городом. Он вообще не был городом в том смысле, в каком это слово понимают обычные люди Тиддерии. Они живут себе в своих столицах — Эйзенграде, Сильверстоуне, Брайтморе, — ходят на рынки, пекут хлеб, ссорятся из-за налогов. А мы — мы сидим в крепости, выдолбленной в скалах на северном побережье, где вечно дует ледяной ветер и туман висит над морем, как завеса.

Я помню, как впервые увидел Кромвелл. Мне было пятнадцать, меня только что вытащили из-под обломков моего дома, я был в крови, в шоке, не мог говорить. Генерал — тогда ещё просто командир — привёз меня сюда на телеге.

Когда мы проехали ворота и я увидел эти серые стены, эти суровые лица, этот вечный туман, я понял: здесь я умру или стану кем-то. Третьего не дано.

С тех пор прошло почти пятнадцать лет. Я стал лучшим охотником Кромвелла. Но крепость не изменилась. Она всё так же стояла на краю мира, прячась от чужих глаз.

Снаружи, для чужих глаз, Кромвелл — старый военный форт, законсервированный после какой-то давно забытой войны. Никому не приходит в голову, что внутри кипит жизнь: тренировочные залы, лаборатории, арсеналы, картографические кабинеты. Мы — как улей, замаскированный под мертвое дерево. И эта маскировка работает уже больше ста лет.

Я оделся, натянул куртку и вышел из башни. Утренний холод ударил в лицо, заставив втянуть воздух сквозь зубы. По пути к штабу я прошёл через городскую стену — массивную, сложенную из серого камня, — и на мгновение задержался у бойницы. Внизу, у подножия скалы, раскинулась Тиддерия. Обычный город: черепичные крыши, дым из труб, редкие огни в окнах. Там люди просыпались, варили кофе, шли на работу. Они не знали, что над ними, в скалах, сидят охотники. Не знали, что каждую ночь мы выходим на бой. И это было правильно. Знание не принесло бы им ничего, кроме ужаса.

По узким улочкам, стиснутым между каменными стенами, уже сновали люди. Охотники спешили на построение,

интенданты тащили тюки с припасами, где-то в кузнице грохотал молот. Я любил этот гул. Он означал, что мы живы.

Первым делом — в штаб, к Генералу.

Кабинет Генерала располагался в самом сердце крепости, в круглой башне без окон. Там всегда горели масляные лампы, и свет их дрожал на стенах, завешанных картами. Сегодня Генерал стоял, склонившись над столом, и тыкал пальцем в границу Тиддерии.

— Доброе утро, Лоренц. Садись.

Я опустился на тяжелый дубовый стул. Генерал выглядел так же, как всегда: сухо, жестко, словно вырезан из старого дерева. Шрамы на лице, седые волосы, собранные в хвост. Сероватые от возраста глаза, которые никогда не смеются. Только однажды я видел его смеющимся — когда мы вернулись из рейда, в котором положили дюжину вампиров и не потеряли ни одного человека. Это было давно.

— У нас проблемы, — начал он без предисловий. — За последние две недели — шесть прорывов на северо-востоке. Оборотни, вампиры, иногда вместе. Такого не было никогда. — Сказал он нахмутив брови, и я услышал нотки тревоги и усталости в его голосе.

— Я слышал. Аркенфорд тому подтверждение.

— Аркенфорд — лишь цветочки. — Он выпрямился и скрестил руки и тяжело вздохнул. — Мои информаторы доносят, что в Агоне смена власти. Старый правитель, Деос, уходит. Наследнице двадцать один год, и как только она ся-

дет на трон, начнется ад. В прямом смысле. — Он усмехнулся краем рта. — Деос держал нечисть в узде, а эта девчонка кто знает, чего от нее ждать. Но одно ясно уже сейчас: твари чувят слабость и лезут к нам.

Я кивнул. Это было понятно без лишних слов. Так было всегда: любые тряски в Агоне отзывались у нас кровью. Я вспомнил прошлую смену власти — тогда мне было двадцать, и мы потеряли треть гарнизона за месяц.

— Надо усилить патрули. Я возьму отряд и пройду вдоль северной границы. Если найдем портал — запечатаем. Если найдем тварей — положим.

Генерал кивнул, но что-то в его лице дрогнуло. Как будто он знал больше, чем говорил. Я достаточно долго служил под его командованием, чтобы замечать такие вещи. Он недоговаривал — но не из хитрости, а из привычки беречь своих людей от того, к чему они не готовы.

— Иди. Но будь осторожен. Там, на границе, творится что-то странное. Мои разведчики видели огни в тумане. Не похожие ни на один известный портал. И артефакт, что вы нашли в Аркенфорде, — архивариусы разводят руками. Он не опознан.

— Может, просто старый артефакт, которым демоны давно не пользуются? — предположил я. Но в глубине души понимал, что это не так. Слишком много странностей за последние недели.

— Может. А может, и нет. — Генерал посмотрел мне

прямо в глаза. — Но пока мы не знаем наверняка, причина прежняя.

Он сказал это весомо, как ставят точку. Я не спорил.

— И еще, Лоренц. Твоя Лейла рвется с тобой. Я дал добро. Пусть едет. Нам нужен ее сканер.

Я кивнул. Спорить с Генералом было бесполезно. Да и спорить с Лейлой — тоже. Я пытался однажды — когда она решила лично испытать новый эликсир на себе. Чуть не по-седел, пока она лежала без сознания. С тех пор я просто принимал её решения.

Лаборатория Эл находилась в подземном ярусе башни — она сама выбрала это место, подальше от солнца и любопытных глаз. Спускаясь по винтовой лестнице, я уже слышал ее голос, доносящийся из-за двери. Она с кем-то говорила — быстро, жестко, на своем языке формул и терминов.

Внутри пахло аконитом, вербеной, железной пылью и еще чем-то острым, химическим. Лейла стояла у длинного стола, заваленного колбами, медными пластинами, пучками трав и чертежами. Рядом топтался ее помощник — молодой парнишка по имени Оллен, веснушчатый, с вечно испуганными глазами. Он записывал что-то на клочке бумаги.

— Нет, Оллен, концентрация слабая, — бросила она, не поднимая головы. — Если портал будет мощнее третьего класса, этот эликсир просто выдохнется. Надо увеличить долю серебряной пыли. И замени вербену на полынь — она лучше держит остаточный фон.

— Но полынь токсична, — пробормотал он.

— Я знаю. Поэтому будешь работать в маске. И перчатки не снимай, прошлый раз у тебя пальцы синие были.

Она подняла глаза и заметила меня. Легкая тень улыбки тронула ее губы.

— Пришел проверить? Или просто соскучился?

— И то, и другое. — Ухмыльнувшись сказал я. Мне хотелось проверять ее каждую минуту, хотя она и сама могла за себя постоять, да и в крепости ей ничего не угрожало, кроме нее самой. Однажды она чуть не взорвала пол-лаборатории, смешивая новый эликсир. Я тогда сбежал с плаца, услышав грохот, и нашёл её в дыму — целую, но перемазанную сажей с головы до ног. Она смеялась. Я — нет.

Оллен, увидев меня, слегка выпрямился. Мы кивнули друг другу — он относился ко мне с уважением, но без подбострастия, за что я его ценил. Лейла его тоже ценила, хоть и гоняла в хвост и гриву. Она вообще была строгим учителем, но никогда не позволяла себе барства. Терпеть не могла, когда ее называли «госпожой», и однажды чуть не запустила в одного новичка колбой за это слово.

— Я слышал, ты едешь с нами на границу, — сказал я.

— Да. — Она повернулась к столу и начала собирать инструменты в сумку. — Мне нужны новые образцы. Артефакт, который мы нашли, — это только начало. Если там, на границе, такие же маяки, я хочу понять их принцип.

Оллен кашлянул.

— Я подготовил запас эликсиров для отряда. И проверил сканер. Он должен работать, но если там сильный магический фон

— Сама проверю, — оборвала Лейла. — Ты остаешься за старшего. Если что — шли вестового.

Он кивнул и снова уткнулся в свои записи.

Я обнял ее со спины, пока она укладывала сканер в футляр. Она замерла на секунду, потом откинулась на меня, позволяя себе короткую передышку.

— Надолго мы?

— На пару дней. Пройдем вдоль границы, посмотрим, что за огни видели разведчики. Если повезет — найдем портал и запечатаем.

— Или он нас найдет.

— Или так, — она захлопнула сумку. — Поэтому я и еду.

Остаток утра я провел на плацу. Тренировка с новобранцами шла полным ходом. Небо так и не прояснилось, ветер гнал по брусчатке сухие листья, но никто не обращал на это внимания. Я выстроил парней в шеренгу и гонял их на базовых связках: уклонение, блок, контратака серебром. Серебряные клинки — единственное, что работает против нечисти, если нет под рукой эликсиров Лейлы. И они должны уметь обращаться с ними во сне.

— Бьен, не размахивай клинком, как метлой! — крикнул я, останавливая молодого парня с рыжими вихрами. — Вампир не будет ждать, пока ты замахнешься. Короче движение,

от локтя.

— Да я стараюсь, — пробормотал он, потирая ушибленное запястье.

— Стараться будешь на том свете. А здесь — делай.

Бьен — младший сын одного из старых охотничьих семей. Его старший брат погиб полгода назад в рейде. Он пришел в Кромвелл с горящими глазами, но пока больше мечтал о славе, чем умел держать клинок. Я помнил себя таким. Мне дали время. И я давал его ему.

Рядом тренировалась другая группа — ребята постарше, уже нюхавшие порох. Я краем глаза заметил, как один из них, коренастый парень по имени Торви, отрабатывает захват на манекене. Он кивнул мне, и я подошел.

— Лоренц, — сказал он, вытирая пот со лба. — Говорят, завтра идете на север.

— Идем. А ты откуда знаешь?

— Слухи в столовой быстрее ветра, — он усмехнулся. — Я хотел попроситься с вами. Мой отряд пока в резерве, а мне руки чешутся.

— Сиди в резерве, Торви. Нам нужны свежие силы здесь. Если что-то прорвется мимо нас, ты будешь первой линией.

Он помрачнел, но кивнул. Понимал.

Я вернулся к новобранцам, заставил их повторить связку еще десять раз и отпустил только когда у Бьена начало получаться. Парень выдохнул, и я хлопнул его по плечу:

— Завтра продолжим. Если вернусь.

— Вы вернетесь, — сказал он серьезно, и в его голосе было что-то, от чего у меня сжалось в груди. Когда-то я так же верил в старших. Когда-то я сам стоял на этом плацу и смотрел на ветеранов, думая, что они бессмертны. А потом хоронил их одного за другим.

Я кивнул ему и пошёл прочь с плаца.

К вечеру крепость затихла. Лампы вдоль коридоров горели вполнакала, и тени лежали на каменных стенах густым слоем. Я направился в столовую.

Столовая в Кромвелле — это огромный зал с низким сводчатым потолком, длинными деревянными столами и вечно открытой кухней, из которой несет кашей, жареным мясом и луком. Сегодня там былолюдно и шумно — несколько отрядов вернулись из патруля, и народ расслаблялся после дня. Я взял поднос с едой, и меня тут же окликнули.

— Лоренц! Иди к нам.

За дальним столом сидели Рейк и Кас — двое охотников из моего старого отряда. Рейк был высоким, жилистым, с вечно небритым лицом и смеющимися глазами. Кас — пониже, коренастый, молчаливый, но когда говорил — всегда в точку. Мы прошли вместе через десятки рейдов, и я доверял им как себе.

Я подсел к ним.

— Говорят, завтра на север? — спросил Рейк, двигая мне миску с хлебом. — Слышал, даже Лейла едет.

— Едет. Хочет посмотреть на огни в тумане.

— Огни — Рейк потер подбородок. — Мой брат был в разведке, когда их заметили. Говорит, они синие. Не как порталы, а как не знаю, как маяки. Будто кто-то сигнал подает. И ещё он сказал, что там холодно. Не как обычно — по-настоящему холодно. Как в могиле.

— Маяк мы уже нашли, — сказал я, вспомнив артефакт в сейфе Лейлы. — И он не опознан.

— Вот и я о чем. — Рейк понизил голос, хотя вокруг и так стоял гул. — Лоренц, я в Ад верю. Но, может, не только они? Может, кто-то еще воду мутит?

— А кто еще? — спросил Кас, не поднимая глаз от тарелки. — Ангелы, что ли? Они к нам не лезут. Тенебрис — да, там своих проблем хватает. Агон — центр. Деос уходит, и все посыпалось. Логично же.

— Логично, — согласился Рейк и вздохнул. — Но что-то мне беспокойно.

— Тебе всегда беспокойно, — усмехнулся я и отправил в рот кусок мяса. — Особенно когда в меню опять каша.

— Каша — это стабильно, — философски заметил Кас. — Как и Ад.

Мы посмеялись, но смех вышел не очень веселым. Рейк рассказал, что его брат передает привет — он служил на южной заставе, и у них было тихо. Кас пожаловался на новые сапоги, которые натерли ему ноги в прошлом рейде, и добавил, что старые были лучше, но их порвал оборотень. Обыч-

ный разговор. Обычный вечер. Обычная жизнь, которую мы все вели, зная, что в любой момент она может оборваться.

Потом пришла Лейла. Она села рядом, положив голову мне на плечо, и Рейк понимающе хмыкнул. Кас подвинул ей хлеб. Она устало улыбнулась, но в глазах ее горел все тот же огонек. Она ела молча, слушая наши разговоры, и пальцы ее, державшие ложку, были в крошечных ожогах от реактивов. Я взял ее руку и поцеловал костяшки. Она замерла на секунду, потом сжала мою ладонь в ответ.

— Завтра рано вставать, — сказала она тихо.

— Знаю.

Мы посидели еще немного, потом распрощались с ребятами и пошли в нашу башню.

Ночью Лейла снова сидела над чертежами, но на этот раз я не стал ждать в постели. Я вошел в гостиную, сел на пол рядом с ней и молча смотрел, как она водит карандашом по бумаге. Она чертила схему нового эликсира, и в свете лампы ее лицо казалось совсем юным — как тогда, в академии.

— Ты помнишь, как мы познакомились? — спросил я вдруг.

Она подняла голову и улыбнулась краешком губ.

— Ты был мрачный и злой и сказал, что девчонкам не место в Кромвелле.

— А ты сказала, что если я еще раз так скажу, ты подсыпешь мне в кашу слабительное.

— И ты поверил.

— Ты бы сделала.

— Сделала бы, — она легко рассмеялась и отложила карандаш.

Я притянул ее к себе, и она прижалась, обвив руками мою шею. В камине догорали угли, по стенам метались тени. Мы сидели так долго, молча, и я чувствовал, как бьется ее сердце — спокойно, ровно, в такт моему.

— Я что-то найду, Лоренц, — прошептала она. — Завтра, на границе. Я разберусь, как это все работает.

— Я знаю, — ответил я, уткнувшись носом в ее волосы, пахнувшие цитрусом и вербеной. — Ты всегда разбираешься..

Подъем был ранним, ещё до рассвета. За окном стояла та особая тишина, когда даже ветер, казалось, ещё спит, и только редкие шаги часового на стене нарушали её. Я проснулся первым и просто лежал, чувствуя, как Лейла прижимается ко мне во сне. Её дыхание было тёплым и размеренным, рука лежала у меня на груди, пальцы чуть подрагивали — ей что-то снилось. Я не шевелился. Эти минуты были нашими, и я не собирался отдавать их ни утру, ни войне.

Потом она вздохнула глубже и открыла глаза. Сонные, зелёные, родные.

— Уже пора? — прошептала она.

— Пора.

Мы не стали затягивать. Лейла встала первой — я смотрел, как она натягивает комбинезон, собирает волосы в тугой пучок. Движения быстрые, отточенные. Никакой сонли-

вности — она всегда умела включаться мгновенно. Я оделся следом, проверил куртку, нашивки, крепления. На поясе привычной тяжестью легли ножны. Я проверил клинок — серебро было холодным и чистым, без следов крови. Я вычистил его вчера, как делал после каждого рейда. Привычка, которая спасала жизнь.

— Ты взял запасные эликсиры? — спросила она.

— Взял.

— И серебряные клинки?

— Два.

— Хорошо.

Она поднялась и вышла в коридор. Через минуту вернулась со своей сумкой — тяжёлой, набитой инструментами, колбами, сканером. Я накинул ей на плечи плащ — тот самый, с капюшоном, который она любила за то, что он скрывал лицо. Она улыбнулась мне коротко, и мы вышли.

Крепость ещё спала, но во дворе уже горели факелы. Их оранжевый свет дрожал на мокрой брусчатке, смешиваясь с предрассветной синевой. Отряд ждал нас у ворот — десять человек, проверенные бойцы. Рейк, Кас, ещё несколько ребят из моего старого состава и двое новичков, которых я взял для обкатки. Все в полной экипировке, при оружии, с серебряными клинками и запасом эликсиров. Кони фыркали и били копытами — они чуяли, что идём далеко и не на прогулку.

— Все готовы? — спросил я, оглядывая строй.

Рейк кивнул, поправляя перевязь. Кас молча проверил

крепления на сбруе. Новички нервничали, но старались не показывать. Корн, тот самый мальчишка, что всхлипывал потом в бою, сейчас выглядел собранным — только желваки ходили на скулах. Дейн, второй новичок, улыбался слишком широко.

— Тогда выдвигаемся.

Мы выехали из ворот, и Кромвелл остался за спиной — серый, молчаливый, надёжный.

Дорога до северной границы заняла несколько часов. Местность менялась: каменные стены и узкие улочки сменились холмами, поросшими вереском, потом густым лесом, где ветви сплетались над головой, заслоняя небо. Солнце так и не показалось толком — всё висела низкая облачность, серая и тяжёлая, будто небо придавило землю. Воздух был влажным и холодным, пах прелой листвой и чем-то ещё — едва уловимым, чужим. Как будто мы уже были не совсем в Тиддерии.

Лейла ехала рядом со мной, её сканер лежал поперёк седла, и она то и дело поглядывала на дрожащую стрелку. Я видел, как она сосредоточена — брови сведены, губы сжаты. Иногда она тихо бормотала что-то себе под нос, но не делилась. Я не спрашивал. Когда будет готово — скажет.

У границы лес начал редеть. Деревья расступались, открывая широкую равнину, затянутую туманом. Туман здесь был особенный — густой, молочно-белый, почти осязаемый. Он не двигался, не рассеивался от ветра, просто висел над

землѣй, как завеса. Где-то в его глубине, по словам разведчиков, появлялись огни.

— Здесь, — сказала Лейла, и её голос прозвучал громче, чем нужно, — остановитесь.

Я поднял руку, и отряд замер.

Лейла спешила первой. Я спрыгнул следом, держа ладонь на рукояти клинка. Она медленно пошла вперёд, держа сканер перед собой, как факел. Стрелка на нём дрожала всё сильнее, отклоняясь к краю шкалы.

— Фон сумасшедший, — пробормотала она. — Здесь открутили портал. Недавно. Может, несколько часов назад.

— Ты можешь определить, куда он вёл?

— Пытаюсь.

Она сделала ещё несколько шагов и вдруг остановилась. Присела на корточки, разгребла рукой пожухлую траву. В земле, прямо посреди равнины, темнело пятно — круг идеальной формы, будто выжженный. Почва спеклась в стекло. По краям круга лежали мелкие чёрные кристаллы, похожие на осколки обсидиана.

— Это не адский портал, — тихо сказала Лейла.

— Почему ты так уверена?

— Потому что адские оставляют пепел, а не стекло. И кристаллы другие — красные или серые. А это... — она подняла один осколок, но тут же отдёргнула пальцы, как от ожога. — Он холодный. Ледяной. Смотри.

Я присел рядом и осторожно коснулся кристалла. От него

действительно тянуло холодом — неестественным, пробирающим до костей, как из склепа.

— Это не наши технологии, — сказала она, и в её голосе впервые проскользнуло что-то похожее на страх. — Лоренц, это вообще не похоже ни на что, что мы знаем.

Она сунула осколок в специальный контейнер на поясе, и в этот миг сканер завыл.

Стрелка бешено заметалась, диск затрещал, и из тумана, прямо перед нами, начал проступать свет. Синий. Мерцающий, как маяк.

— Отходим! — крикнул я, хватая Лейлу за руку. — Все назад!

Но было поздно.

Туман разорвался.

Это не было похоже на обычный портал. Не было ни вспышки, ни гула, ни привычного запаха серы, который оставляют адские переходы. Вместо этого — синий, ледяной свет, беззвучно вспыхнувший прямо в толще молочной пелены. Он пульсировал, как сердце, и от каждого удара по траве разбегались круги инея. Воздух стал плотным, колючим, и я почувствовал, как волосы на руках встают дыбом.

Из синего свечения вырвались тени.

Первым вышел оборотень. Огромный, выше любого из нас на две головы, с шерстью цвета мокрой земли. Его жёлтые глаза горели, как масляные лампы, и в них не было ничего звериного — только холодный, расчетливый ум.

За ним — ещё. Ещё и ещё. Я насчитал не меньше дюжины за первые три секунды, а потом сбился. Оборотни выходили из света молча, без рычания, без воя — и это было страшнее всего. Они не были дикими зверями. Они были солдатами.

А следом за ними, скользя как струйки дыма, появились вампиры. Бледные, с тёмными провалами глаз, в чёрных плащах. Их лица были прекрасны и мёртвы одновременно — застывшие маски, на которых не дрогнул ни один мускул. Они ступали бесшумно по мёрзлой траве, и только лёгкое шипение, похожее на звук газа, вырывающегося из трещины, выдавало их присутствие.

— Спешивайтесь и в круг! — крикнул я, и голос мой прозвучал хрипло, сорванно

Охотники среагировали мгновенно. Рейк рванул влево, выхватывая серебряный клинок, который засиял в тусклом свете. Кас встал справа, уже сжимая в руке кол для вампиров — длинный, отполированный до блеска. Новички засуетились, и я услышал, как один из них, Корн, всхлипнул, но клинок вытащил.

Лейла выхватила из сумки эликсиры — три флакона, по одному на каждого из нас, кто стоял в первом ряду, — и сунула их мне в руки. Её пальцы были ледяными, но не дрожали.

— Пейте! — крикнул я, раздавая флаконы. — Живо! Это приказ! Один глоток — и в бой!

Рейк, Кас, Элли и Томас выпили эликсир в один глоток —

привычно, не морщась. Я осушил свой флакон последним. Жидкость обожгла горло, и по телу разлилось знакомое тепло — как будто в кровь влили жидкий огонь. Мышцы налились силой, зрение стало острее, слух — чутче. Я вдруг начал слышать то, чего не слышал мгновение назад: скрип снастей где-то далеко в порту, дыхание каждого человека в строю, шорох когтей по мёрзлой траве. Эликсир работал. У нас было около часа, прежде чем его действие начнёт спадать.

— В укрытие! — приказал я.

Она бросилась к груде валунов на краю поля, пригибаясь. Её плащ мелькнул в тумане, и на секунду я потерял её из виду. Но времени оглянуться не было.

Первый оборотень прыгнул.

Он обрушился на меня сверху, целясь когтями в горло. Я ушёл вниз, чувствуя, как воздух рассекается в миллиметре от моего лица. Когти — длинные, чёрные, загнутые как серпы — вспороли воздух там, где только что была моя голова. Я вонзил клинок вверх, прямо под ребра, и провернул. Тварь взвыла — низко, утробно, — и рухнула, заливая траву чёрной кровью. Кровь была горячей и воняла палёной шерстью и гнилью.

Второй оборотень зашёл сбоку. Я не успевал развернуться — спас Кас. Он метнулся вперёд, вогнал кол под лопатку твари и отпрыгнул, уворачиваясь от ответного удара. Коготь всё же задел его плечо, вспоров куртку и кожу под ней. Кас выругался сквозь зубы, но остался в строю.

— Живой? — крикнул я.

— Живой! Прикрой!

Я прикрыл. Рейк уже бился с двумя вампирами одновременно. Они двигались как ртуть — быстро, плавно, неестественно. Один метнулся вперёд, целя клыками в шею, но Рейк встретил его серебряным клинком. Лезвие прошло сквозь плоть, как сквозь бумагу, и вампир рассыпался пеплом — серым, мелким, как пыль веков. Второй попытался зайти со спины, но я метнул нож. Серебряное лезвие вошло ему в затылок, и он рухнул, ещё не до конца обратившись в пепел, — тело падало, уже рассыпаясь в воздухе.

— Спасибо! — выдохнул Рейк.

— Потом поблагодаришь!

Третий оборотень. Четвёртый. Я потерял счёт. Руки работали сами — удар, блок, уклонение, снова удар. Клинок стал продолжением моего тела, я не думал, я просто двигался. Эликсир Лейлы, который я выпил перед боем, жёг горло и разгонял кровь, делая движения быстрее, резче, точнее. Но даже с ним я чувствовал, как усталость начинает скапливаться где-то в костях.

Краем глаза я видел, как бьются остальные. Рейк, с лицом, залитым чужой кровью, рубил оборотня, прижав его к земле. Кас, раненый, но всё ещё стоящий, отбивался сразу от двоих, его кол мелькал как молния. Новичок Корн сражался рядом с ним — бледный, дрожащий, но упрямо размахивающий клинком. Второй новичок, Дейн, лежал на земле ли-

цом вниз, и я не знал, жив ли он.

Я прорвался к Корну как раз вовремя. Оборотень, огромный, с рыжей шерстью, заходил на него слева, и пацан не успевал развернуться. Я вогнал клинок твари в бок, по самую гарду, и рванул вверх, вспарывая рёбра. Тварь рухнула, заливая меня кровью. Я повернулся к Корну и рявкнул:

— Не геройствуй! Держись рядом с Рейком!

Он кивнул, не в силах говорить. Глаза его были огромными, как блюдца, но он кивнул. Молодец. Выживет, если не сдохнет от страха.

В какой-то момент я перестал различать лица. Только тени, только когти и клыки, только серебро, рассекающее плоть. Запах крови — чёрной, человеческой, вампирского пепла — смешался в один удушливый коктейль. Трава под ногами стала скользкой, ботинки проваливались в грязь. Кто-то кричал — может, я сам, может, Рейк, — но слов уже не разобрать. Только звук боя, только ритм, только сердце, колотящееся где-то в горле.

Я двигался, не останавливаясь. Удар. Блок. Уклонение. Снова удар. Оборотень слева — мёртв. Вампир справа — пепел. Ещё один, ещё. Я не считал. Считают потом. Сейчас — только выжить и не дать им добраться до валунов.

Последнего я запомнил. Это был вампир, старый, с седыми висками и глазами цвета старого льда. Он не нападал, как остальные, — он ждал. Стоял в стороне, за спинами сородичей, и смотрел на меня. Когда наши взгляды встретились, он

улыбнулся — тонко, почти печально, — развернулся и шагнул обратно в синий свет. Портал схлопнулся за ним с тихим, почти ласковым звуком. И наступила тишина.

Я стоял посреди поля, тяжело дыша, и не сразу понял, что всё кончилось. Клинок в моей руке дрожал. Руки были в крови по локоть. Лицо горело — кажется, меня задела когтем, но я не чувствовал боли.

Рейк опустился на колени, вытирая лицо рукавом. Кас сидел на земле, зажимая рану на плече, и тихо матерился. Корн стоял над телом Дейна, и по его лицу текли слёзы. Дейн лежал неподвижно, и я знал — он мёртв. Мальчишка, который улыбался слишком широко.

— Где Эл? — спросил я. Голос прозвучал глухо, как через подушку.

Рейк поднял голову и оглянулся.

— Она была у валунов...

И я побежал. Ноги подкашивались, ботинки скользили по крови и грязи, сердце колотилось где-то в горле. Валуны приближались медленно, как в кошмаре, когда хочешь бежать, но воздух вязкий и не пускает.

Укрытие было пустым.

На земле лежала её сумка — раскрытая, как будто кто-то рылся внутри второпях. Сканер валялся рядом, разбитый, с погнутым диском. Я поднял его — стрелка всё ещё подрагивала, слабо, едва заметно, как затихающий пульс. Но сам диск был сломан, и цифры на шкале плясали без смысла.

— Нет, — прошептал я. — Нет, нет, нет.

Я перевернул сумку, вытряхнул содержимое на траву. Колбы, инструменты, контейнер с кристаллом — всё здесь. И смятый клочок бумаги.

Я развернул его дрожащими пальцами.

Шифр. Её шифр. Ровные строчки значков, похожих на созвездия. Торопливые, но аккуратные. Она писала это в спешке, но старалась, чтобы я мог прочесть. Когда-нибудь.

— Эл! — закричал я.

Голос сорвался и эхом разнёсся над равниной. Туман качнулся, но не ответил.

— Лейла! — снова крикнул я, и это был не крик даже, а вой.

Тишина. Только ветер шевелил клочья тумана, медленно затягивающего поле боя.

Я обшарил каждый камень. Каждую трещину. Каждый куст вокруг валунов. Ни крови. Ни следов борьбы. Ни обрывка одежды. Она просто исчезла, как будто её и не было.

Я упал на колени. Ноги перестали держать.

Рейк подошёл сзади и положил руку мне на плечо. Я не обернулся. Не мог. Я стоял на коленях в мокрой траве, сжимая в кулаке её записку, и чувствовал, как внутри что-то ломается. Не сердце — сердце я давно научился прятать. Что-то другое. Что-то, что держало меня человеком. Что-то, что она зажгла во мне десять лет назад и что теперь гасло.

— Лоренц, — тихо сказал Рейк. — Лоренц, посмотри на

меня.

Я не ответил. Я смотрел на разбитый сканер.

— Мы найдём её. Слышишь? Мы найдём.

Я поднялся. Ноги были ватными, но я заставил себя стоять. Сложил её инструменты обратно в сумку. Вот её пинцет, которым она поднимала кристаллы. Вот её лупа, с которой она не расставалась. Вот её блокнот — я пролистал его, но там были только формулы. Ни записки для меня. Ни слова.

Записка была отдельно. Та, с шифром. Я спрятал её в нагрудный карман, под куртку.

— Она оставила записку, — сказал я, и голос был чужим, деревянным. — Она оставила записку, но я не могу её прочесть. Я не знаю шифра.

Рейк молчал. Он не знал, что сказать. Никто не знал.

Я стоял и смотрел на поле — на тела оборотней, на пепел вампиров, на тело Дейна, которое Корн укрывал плащом. Мальчишка стоял на коленях и тихо плакал. Я не плакал. Не мог.

— Возвращаемся в Кромвелл, — сказал я. — Сжигаем тела и уходим. Сейчас же.

— Но уже темнеет... — начал кто-то из новичков.

— Возвращаемся. — Я обернулся, и лица у всех были такие же, как у меня, — серые, выжатые, пустые. — Мы не останемся здесь на ночь.

Они не спорили.

Я подобрал её сумку, закинул на плечо и пошёл к коням.

Парни зажгли трупы. Каждый шаг отдавался болью, но я шёл. Потому что больше ничего не оставалось. Только идти вперёд и искать способ прочесть то, что она мне оставила.

Я найду её. Чего бы это ни стоило. В каких бы мирах она ни была. Я найду её и верну. Или умру, попытаюсь. Потому что без неё этот мир — просто серая бетонная коробка. Без неё я — просто машина для убийства.

АГОН

4 дня до коронации

Я шла по коридорам Агона, и каждый мой шаг отдавался от чёрного мрамора низким, тягучим гулом. Пламя в чашах вдоль стен вздрагивало, когда я проходила мимо, — поднималось выше, тянулось ко мне и опадало, стоило отвести взгляд. Моя магия, всё ещё не остывшая после разговора с отцом, дрожала в воздухе, и я знала, что любой, кто посмеет сейчас встать у меня на пути, рискует вспыхнуть, как сухая щепка. Но никто не вставал. Слуги вжимались в стены, стражники вытягивались и опускали глаза. Все прекрасно понимали, что со мной лучше не говорить.

Я не смотрела на них. Я видела только одно лицо — лицо отца. Его спокойный, уверенный голос всё ещё звенел в ушах: «Вейла, ты должна понять. Это не вопрос твоего желания. Это вопрос выживания». Как будто моё желание вообще когда-нибудь было вопросом. Как будто моя жизнь с самого рождения не была всего лишь пунктом в его бесконечных политических расчётах.

Я толкнула дверь в свои покои с такой силой, что бронзовая ручка глубоко вмялась в камень стены. Тяжёлая створка грохнула о стену, и этот звук принёс мне жгучее удовлетво-

рение. Хотя что-то в этом дворце ещё подчинялось моей воле. Хотя что-то ещё можно было сломать.

— Мой отец, — бросила я в пространство, ещё не видя его, но зная, что он здесь, — решил, что моя рука — это разменная монета!

Я прошла вглубь комнаты, и мой гнев требовал выхода. Я сдёрнула с запястья золотой браслет — тот самый, что он подарил мне на прошлый день рождения, массивное украшение с рубинами, которое я когда-то любила, — и швырнула его в стену. Металл жалобно звякнул и покатился по полу. Дальше полетел второй браслет, потом кольцо с пальца — то, с гербом Ада, которое он вручил мне в день совершеннолетия. Я мерила шагами свои покои, чувствуя, как внутри всё клокочет, как вулкан перед извержением. В моей крови бурлил огонь и он требовал, чтобы я что-то сделала. Что угодно. Лишь бы выпустить эту магию наружу. С рождения меня тренировали пользоваться своей гранью огня, а точнее — контролировать ее. Самая банальная грань среди демонов... Но во мне хотя бы было нескончаемое количество эфира и я прекрасно знала, что если не буду себя сдерживать — испепелю все

Аскель сидел на широком подоконнике у стрельчатого окна, босой, в расстёгнутой до середины груди белой рубашке и домашних шелковых брюках. В руке — бокал с тёмным вином, который он лениво покручивал, глядя на меня. За его спиной клубился вечный алый сумрак Агона — ни день и

не ночь, а что-то среднее, вечно тревожное, как закат перед грозой. Он не вздрогнул, когда дверь врезалась в стену. Он никогда не вздрагивал. Он только поднял голову и посмотрел на меня — спокойно, внимательно и без тени страха. Так, как смотрел всегда. С той самой минуты, когда мы встретились впервые: я хотела сжечь его за дерзость, а он просто улыбнулся и сказал: «Ты прекрасна, когда злишься». И обезоружил меня одной фразой.

— Я так понимаю, разговор с отцом не задался, — сказал он своим обычным тоном — мягким, чуть насмешливым, но без капли злобы. Он никогда не злился. Он вообще редко проявлял что-то, кроме спокойной, ироничной нежности. Иногда меня это бесило. Иногда — спасало.

— Не задался?! — я резко развернулась к нему, и подол моего платья хлестнул по полу. — Он решил выдать меня замуж, Аскель! За сына Серафиэля! За наследника Эйсена. Того самого ангела, который, по слухам, ни разу в жизни не сказал ничего кроме заученных фраз из книг.

Я снова пошла по комнате, сжимая и разжимая кулаки. Воздух вокруг меня дрожал от жара. Я знала, что мои зрачки полыхают алым, — видела их отражение в тёмном стекле окна. Густые чёрные волосы, волнами спускались по открытым плечам, и я чувствовала, как они электризуются от магии. Сегодня я выбрала платье, которое бесило отца больше всего: глубокое декольте, корсаж, расшитый золотом и рубинами, шлейф и разрез от бедра. Я знала, что выгляжу вызы-

вающе. И знала, что его это не устраивает.

— Сын Серафиэля, — повторил он задумчиво, делая глоток и смакуя его. — Тот самый, который ни разу не покидал Эйсен? Которого послы описывают как «идеально послушного»?

— Да! — я всплеснула руками и остановилась перед ним. — Кассиэль. От него веет таким холодом, что кажется, он уже мёртв и давно покоится в Муэрте. Я просто испепелю его. Не говоря уже о том, что он явно планирует быть глазами и руками своего отца и следить за мной.

— Ну, холодом от него веет, потому что он ангел, — заметил Аскель с лёгкой улыбкой. — Это у них наследственное. У них у всех вместо сердца кусок льда.

— Не смей шутить! — я ткнула пальцем ему в грудь. Он был тёплым, живым, настоящим — не то что те ледяные статуи из Эйсена. — Ты не понимаешь! Он сказал, что этот союз укрепит связь между Адом и Раем на поколения вперёд. Что после его ухода мне нужна будет поддержка Эйсена. Что Серафиэль уже дал предварительное согласие! Они всё решили за моей спиной, Аскель.

Огонь в камине вспыхнул, поднимаясь почти до потолка, а огни на стенах запылали и на секунды осветили комнату так, как будто солнце сейчас было у меня под потолком.

Аскель перехватил мою руку. Его пальцы были прохладными, потому что он никогда не был таким горячим, как я. Но это было приятно. Это остужало. Я чувствовала, как

моё дыхание замедляется, а пламя в глазах начинает гаснуть, уступая место чему-то другому. Усталости. Боли. Страху, который я не позволяла себе показывать никому, даже ему.

— Деос правил Адом больше тридцати лет, — сказал он тихо, поглаживая мою ладонь. — И он удержал этот трон далеко не легким путем. Он знает, что после его ухода начнётся борьба за власть. Лорды, советники, ангелы — все захотят откусить свой кусок. Брак с наследником Эйсена — это гарантия, что ангелы не ударят в спину в первую же неделю твоего правления. Это политика, Вейла. Холодная, циничная политика. И он не потому это делает, что не любит тебя. А потому что любит.

— Любит?! — я вырвала руку, и пламя в камине вновь взревело до самого потолка. — Ты называешь это любовью?! Он хочет продать меня, как скот на ярмарке, только чтобы укрепить свои позиции! Он сказал, что я должна думать о благе Ада, а не о своих чувствах! Он сказал, что Королева не может позволить себе роскошь любить! Как будто любовь — это роскошь! Как будто это что-то, что можно вычеркнуть из списка расходов!

— Для Королевы — да. Это либо оружие, либо слабость. Так было всегда.

Я замерла и уставилась на него. Пыталась рассмотреть в его лице то, что он действительно думал. Он не отводил взгляд. Но в глазах я увидела что-то тёмное, глубокое, что он редко мне показывал. Что-то похожее на боль.

— Ты что, согласен с ним? — мой голос дрогнул, и я ненавидела себя за эту дрожь. — Ты считаешь, что я должна выйти за него?

— Я считаю, — сказал он медленно, подбирая слова, — что ты должна выжить. И править. И если для этого нужно объявить о помолвке с ангельским принцем, а потом, когда ты укрепиться на троне, разорвать её к чёртовой матери... что ж, это тоже политика.

— А ты? — я шагнула к нему, и мой голос стал ниже, опаснее. — Где в этой политике ты?

Он помолчал. Потом встал с подоконника — высокий, чуть сутулый, — и подошёл ко мне. Его босые ноги ступали по мрамору бесшумно. Он был так близко, что я чувствовала запах его кожи — вино, сандал, кожа. Что-то тёплое, живое.

— Я там, где ты захочешь меня видеть, — сказал он. — Если ты решишь, что этот брак нужен тебе, — я уйду в тень и буду защищать тебя оттуда. Если ты решишь отказаться — я буду стоять рядом, пока ты сжигаешь Эйсен дотла. Это твой выбор, Вейла. И я приму любой.

— Да я не хочу выбирать! — я почти кричала. — Я не хочу выбирать между тронem и тобой! Я хочу и то, и другое! И я имею на это право!

— Имеешь, — он взял моё лицо в ладони, и его пальцы были такими прохладными на моей горячей коже. — Ты имеешь право на всё. Ты Королева. Но Королева должна знать цену своим желаниям. И платить её.

— Я знаю цену. — Я смотрела ему в глаза. — Цена — война с Эйсенем. И я готова её заплатить. Я сожгу их дотла, потому что я не собираюсь начинать своё правление с того, чтобы лечь под ангела, которого выбрал мой отец.

За это я и люблю тебя, — он произнёс это просто, без пафоса, как говорят о том, что не подлежит сомнению. — И я не отдам тебя ни ангелу, ни демону, ни самому Создателю, если ты этого не захочешь. Но я обычный демон, Вейла. У меня нет титула, нет земель, нет армии. Я могу дать тебе только себя. И я не знаю, достаточно ли этого.

Я посмотрела на него — на его лицо, такое знакомое, что я знала каждую морщинку в уголках глаз, каждую тень от ресниц. Его глубокие карие глаза, его высокие скулы. Посмотрела на его руки, которые держали меня так крепко, словно я была единственной реальной вещью в этом мире. На его губы, которые произносили моё имя так, как никто не умел.

— Ты — единственное, что у меня есть, — сказала я, и голос мой сломался. — Единственное, что я выбрала сама, а не получила по наследству. Единственное, что не пытается меня использовать. И если они попытаются отнять тебя...

— Не попытаются, — он обнял меня, притянул к себе, и я уткнулась лицом в его плечо. — Я здесь. Я никуда не уйду.
— Обещаешь?

Он ответил не сразу. Его рука скользнула по моей спине, задержалась на пояснице, прижимая меня ближе. Я чувствовала биение его сердца — ровное, спокойное, слишком спо-

койное, слишком ровное.

— Обещаю, — сказал он наконец, и в его голосе прозвучала нота, которую я не смогла разгадать.

Я подняла голову и посмотрела ему в глаза. Мои зрачки всё ещё горели алым, но теперь в них был не только гнев. Там была любовь — сильная, яростная, отчаянная. Любовь, которая была готова сжечь весь мир, если этот мир встанет между нами.

— Поцелуй меня, — потребовала я шёпотом.

И он поцеловал.

Его губы были тёплыми, с приятным привкусом вина. В этом поцелуе не было нежности. Была жадность, был голод, было желание, которое мы оба так долго сдерживали. Я запустила пальцы в его волосы, притягивая его ближе, и он ответил тем же, обхватив мою талию так крепко, что я почувствовала каждый палец на своей коже. Пламя вновь начало свой танец до самого потолка, тени заметались по стенам, и мне показалось, что весь дворец вздрогнул от нашего поцелуя.

Мы целовались долго, и каждый миг этого поцелуя был как глоток воды в пустыне. Я забыла об отце, о Серафиеле, о проклятом Кассиэле, которого никогда не видела. Был только он — мой демон, мой выбор, моя любовь. Единственное, что имело значение.

Когда мы наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Его лоб прижался к моему лбу, и я видела, как дро-

жат его ресницы.

— Я не пожалею ни об одной минуте с тобой, — прошептал он. — Что бы ты ни выбрала.

— Звучит так, будто ты сомневаешься, что я выберу тебя.

— Я ни в чём не сомневаюсь, — он улыбнулся, но улыбка вышла мягче обычного, почти грустной. — Просто хочу, чтобы ты это знала. Сейчас, пока можно сказать прямо.

— Ничего не изменится. — Я сжала его плечи, впиваясь пальцами в ткань рубашки. — Мы будем вместе. Я никому не позволю встать между нами. Ни отцу, ни ангелам, ни самому Создателю. Ты слышишь меня?

— Слышу. — Он улыбнулся, но улыбка вышла печальной. — Моя Королева.

— Не смей меня так называть. — Я ткнулась носом в его шею. — Я просто Вей.

— Моя Вей, — повторил он, и в его голосе была такая бездна, что мне стало страшно.

За окном алый сумрак начал темнеть. Где-то в недрах дворца пробили часы — старые, бронзовые, с низким, тягучим звоном, который разливался по коридорам, как расплавленный металл. До коронации оставалось четыре дня.

Я стояла, прижавшись к нему, чувствуя его тепло, его дыхание, его сердце.

Ночь ещё не кончилась. Мы долго лежали в темноте, и я слушала, как за окном воет ветер. Аскель уснул первым — он всегда засыпал раньше меня, — а я лежала и смотрела

на тени, которые отбрасывало пламя камина на потолок. В такие минуты я часто думала о том, что было бы, если бы я не была Королевой. Если бы я родилась обычным демоном, а не наследницей трона. Мы бы жили в маленьком доме где-нибудь на окраине столицы. Он бы работал в архиве, я бы... я не знаю, чем бы я занималась. Может, открыла бы кузницу — моя детская мечта, которую я так и не отпустила. Мы бы пили вино по вечерам, и никто не говорил бы нам, что наш союз — ошибка.

Но я была Королевой. И наш союз был ошибкой в глазах всего мира.

Я прижалась к его спине, обняла за талию и уткнулась носом в его затылок. Он что-то пробормотал во сне и накрыл мою руку своей. Я закрыла глаза и позволила себе забыть. Хотя бы на одну ночь.

Утро встретило меня тяжёлой головой и пустой половиной кровати. Я потянулась, чувствуя, как ноет тело после вчерашнего гнева, который всё ещё тлел в груди, как угли под слоем пепла. Отец. Его слова. Его ультиматум. Я сжала кулаки, и одеяло под моими пальцами пошло лёгким дымком — огонь во мне никогда не спал по-настоящему, даже во сне.

Я села и отбросила одеяло. Рядом на подушке осталась вмятина от головы Аскеля. Я коснулась её пальцами. Холодная. Значит, ушёл давно. Интересно, в архиве сейчас как обычно тихо и сумрачно, горят только масляные лампы, и

он, наверное, склонился над очередным свитком, закусив губу. Его вредная привычка искусывать свои губы на работе. Я улыбнулась. Как же хорошо я его выучила за эти три года. Три года с тех пор, как мы врезались друг в друга в коридоре восточного крыла, и он рассыпал свои свитки, а я хотела испепелить его за дерзость, но вместо этого помогла собрать бумаги. Три года — и я знала его лучше, чем кого-либо. Знала, что он не любит сладкое, но никогда не откажется от бокала красного вина. Знала, что он просыпается рано, ещё до рассвета, и уходит в архив, потому что в эти часы ему лучше всего думается. Знала, что у него на левом плече шрам — он получил его в детстве, упав с дерева в саду старого архива, куда лазил за книгой. Он рассказывал мне об этом однажды ночью, когда мы лежали без сна, и я целовала этот шрам, пока он не заснул.

Я села на край кровати и опустила босые ноги на холодный мраморный пол. Сегодня будет долгий день. Примерка. Разговоры с отцом. Подготовка к коронации. И где-то в глубине души — холодное, липкое предчувствие, которое я гнала от себя.

Я позвонила в колокольчик. Через минуту дверь распахнулась, и вошла Мирра — моя личная служанка и почти подруга. Она двигалась легко, несмотря на поднос с чаем и завтраком: тосты с маслом, яйца, ломтики ветчины, маленькая вазочка с мёдом. Её рыжеватые волосы, как всегда, выбивались из пучка, а глаза сияли — она была из тех, кто просы-

пается раньше всех и уже полон энергии. Я помню, как она впервые появилась во дворце — робкая девочка пятнадцати лет, которую отец приставил ко мне после того, как предыдущая служанка сбежала, не выдержав моего характера. Мирра оказалась крепче. Она научилась не вздрагивать, когда я злюсь, и не принимать мои слова близко к сердцу.

— Доброе утро, Ваше Высочество! — пропела она, ставя поднос на столик. — Вы сегодня поздно. Я уже думала, не стряслось ли чего.

— Стряслось, — я взяла чашку с горячим, терпким чаем. — Отец вчера пытался продать меня ангелу.

— Ого. — Мирра без приглашения плюхнулась в кресло напротив, как делала всегда. Это была привилегия, которую я дала ей давно, когда поняла, что могу с ней говорить как с человеком, а не как с тенью. — И как, удачно?

— Нет. Я сказала, что скорее сгорю.

— Это по-вашему, то есть, вы опять спорили?

— Спорили, — я откусила тост с маслом и мёдом. — Он стоял на своём, я — на своём. В итоге я хлопнула дверь. Буквально. Ручка вмялась в камень.

— Бедный камень, — вздохнула Мирра, и я фыркнула.

— Бедный дворец. Если я ещё раз услышу про этого Кассиэля, я спалю всё крыло.

— Но вы же понимаете, что он не отступит? — осторожно спросила Мирра. — Ваш отец... он не привык проигрывать. Помните, как он три года добивался того торгового договора

с Тенебрисом? Все уже сдались, а он — нет. И добился.

— Я тоже не привыкла проигрывать, — отрезала я. — И я не собираюсь проигрывать в этом споре. Аскель — мой выбор. И никто его не отменит.

Мирра помолчала, налила чай себе.

— А Аскель что? — спросила она осторожно.

— Аскель сказал, что я сама знаю, что делать.

— И он прав. Как и всегда.

— Историк, — я пожалала плечами. — Привык анализировать. Он ищет что-то, — сказала я тихо. — В тех разделах архива, куда даже генералам нет доступа.

— И вам не интересно что?

Я посмотрела на неё, давая понять, что это уже слишком и сейчас самое время замолчать или сменить тему. Мирра была умна — она сразу поняла мой взгляд и отступила.

— Нет. Он придёт ко мне, когда будет готов. Я ему доверяю.

— Ладно, — она кивнула, хотя в её глазах мелькнуло сомнение. — Сегодня у вас примерка коронационного платья. Нужно собираться. Мадам Элизье тут уже несколько часов — я слышала, как она кричала на Дину. Бедная девочка, наверное, уже вся в слезах.

— Дина справится. Она крепче, чем кажется, — я допила чай и встала. — Помоги одеться.

Мирра ловко застегнула крючки на моём домашнем платье, поправила волосы. Я смотрела в зеркало и думала о том,

что такие моменты — простые, тихие, без церемоний — скоро станут редкостью. Когда я стану Королевой, даже Мирра, возможно, не сможет сидеть со мной за чаем. Дворец поглотит всё. Он уже поглощал.

— Ты чего затихла? — спросила она.

— Думаю о коронации.

— Боишься?

— Нет, — я мотнула головой. — Просто... всё изменится.

Ты больше не сможешь вот так сидеть со мной и пить чай. Я стану Королевой, и этикет будет требовать дистанции.

— Плевать я хотела на этикет, — заявила Мирра, и я рассмеялась. — Вы — моя госпожа, но я вас знаю с тех пор, как вы пытались сжечь мою метёлку за то, что я не так подмела. Если вы думаете, что какая-то корона заставит меня перестать пить с вами чай, вы ошибаетесь.

— Я сожгла не метёлку, а тряпку, — поправила я. — Метёлку было жалко.

— Тряпку тоже было жалко. Но я вас простила.

Мы рассмеялись, и на мгновение я почувствовала себя почти нормально. Почти счастливой. Почти свободной.

— Ты всё равно останешься собой, — сказала Мирра тихо, возвращаясь к серьёзному тону. — Ты не умеешь быть кем-то другим. Даже в короне. Даже на троне. Ты всегда будешь Вейлой.

Я встретилась с ней взглядом в зеркале и вдруг почувствовала ком в горле

— Идём. Платье ждать не будет.

Малая гостиная была залита светом. Солнце Агона, пробиваясь сквозь высокие окна, окрашивало всё в тёплые оттенки алого и золотого. В зеркалах отражалось платье, моё коронационное платье. Тяжёлый шёлк цвета запёкшейся крови. Корсаж, расшитый рубинами. Шлейф, отороченный чёрным кружевом с границы Тенебриса. Я вошла и замерла на пороге.

Мадам Элизье, главная портниха дворца, всплеснула руками. Её помощницы — Дина и ещё две девушки, чьих имён я не помнила, — засуетились вокруг манекена. Ди, как и предсказывала Мирра, действительно выглядела заплаканной, но работала быстро и умело.

— Ваше Высочество! — воскликнула мадам Элизье. — Мы как раз закончили последние стежки! Прошу!

Я подошла ближе. Мои пальцы сами потянулись к ткани. Шёлк был прохладным и гладким, как вода в подземном озере. Рубины на корсаже вспыхивали в свете ламп, и узор из языков пламени, казалось, двигался — бежал от талии к плечам, переплетаясь, как живой. Я заворожённо смотрела на него и вдруг поняла: это платье — не просто одежда. И когда я надену его, обратного пути не будет.

Мадам Элизье была перфекционисткой — она одевала ещё мою мать и не терпела ошибок. Я помнила её с детства: она приходила на примерки, всегда с булавкой во рту, и ворчала, что я слишком быстро расту и всё время нужно пере-

шивать.

— Сколько лет вы уже работаете во дворце?

— О, Ваше Высочество, уже больше сорока лет. Я пришла сюда совсем девчонкой, когда ваш дед ещё сидел на троне. Тогда платья были другими — более тяжёлыми, с жёсткими корсетами. Дамы падали в обморок, но терпели. Ваша мать первая попросила сделать корсаж мягче. «Элизье, — сказала она, — я хочу дышать. Хотя бы иногда».

Я улыбнулась.

— А я? Я просила что-то?

— Вы? — мадам Элизье усмехнулась. — Вы в пять лет сказали мне: «Хочу платье, которое горит, но не сгорает». И я сделала его — из огнеупорного шёлка. Вы потом проверили его в камине. Оно действительно не сгорело, но прожгло ковёр.

Я расхохоталась.

— Я помню. Отец был в ярости.

— Он был в ярости, но и горд. Он сказал тогда: «Эта девочка не боится ничего. Она либо уничтожит нас, либо сделает великими».

Я затихла. Отец так редко говорил обо мне с гордостью. В последние годы он только критиковал — и вот теперь пытался выдать замуж. Как будто я была не дочерью, а политическим инструментом. Его фраза — «либо уничтожит, либо сделает великими» — всплыла в памяти, и я задумалась: а что, если он до сих пор не знает, какой вариант верен? Что,

если он пытается обезопасить мир от меня?

— Ваше Высочество, — позвала мадам Элизье, отвлекая меня от мыслей. — Мы готовы. Позвольте начать примерку.

Меня облачали долго. Нижние юбки — их было четыре, и каждая шуршала по-своему, создавая сложную симфонию шёлка и кружев. Первая, самая нижняя, была из тончайшего батиста, почти невесомая. Вторая — из плотного атласа, с вышивкой по подолу. Третья — из серебристой тафты, которая переливалась при каждом движении. Четвёртая — из того же шёлка цвета запёкшейся крови, что и верхнее платье. Когда их все надели, я чувствовала себя, будто меня закутали в облако.

Потом корсаж — его затягивали на спине так, что я едва дышала. Я терпела. Красота требует жертв — так всегда говорила мадам Элизье. И я привыкла.

— Ваше Высочество, вы сегодня задумчивая, — заметила мадам Элизье, поправляя складку на плече.

— Многое происходит, — сказала я. — Коронация, планы отца...

— Слышала о планах вашего отца, — осторожно сказала она. — Весь дворец говорит.

— И что же говорят?

— Говорят, что Серафиэль уже отправил посла с предварительным согласием. И что наследник Эйсена... своеобразный молодой человек.

— Своеобразный, — повторила я с сарказмом. — Это зна-

чит «молчаливый, как рыба, и холодный, как лёд»?

— Я бы сказала «тихий и задумчивый». Но я не сплетница, Ваше Высочество.

— Конечно, нет, — я усмехнулась.

Пока работали помощницы, я смотрела на платье и вся жизнь шла перед глазами как фильм. Вот гувернантки сменяли друг друга — ни одна не могла со мной справиться. Первая уволилась через неделю — я сожгла её учебник по истории. Вторая продержалась месяц — я заперла её в библиотеке и отказалась выпускать. Третья сбежала сама, когда я случайно подожгла шторы в классной комнате. Я не хотела её пугать — просто разозлилась на очередной урок этикета. Отец то смеялся, то кричал. А потом пришёл Рэвел. Мне было шестнадцать, и я думала, что уже всё знаю. Он разбил эту иллюзию в первый же день тренировки — я не смогла нанести ему ни одного удара. Его грань - ментал. Он знал что я буду делать дальше и я проигрывала. Я ненавидела его за это. Но он не сломался под моим гневом. Он сказал: «Ты злишься не на меня. Ты злишься на то, что не можешь контролировать. Я научу тебя контролировать». И научил.

— Ваше Высочество, — мадам Элизье затянула последний шнурок. — Готово.

Я встала перед зеркалом.

Из отражения на меня смотрела Королева. Платье сидело безупречно, подчёркивая каждый изгиб. Мои чёрные волосы рассыпались по открытым плечам, глаза горели. Рубины на

корсаже вспыхивали при каждом движении, и казалось, что по моему телу бежит живой огонь.

— Вы прекрасны, Ваше Высочество, — прошептала мадам Элизье. — Ваша мать была бы счастлива.

— Вы помните её?

— Конечно. Я шила ей свадебное платье. Оно было серебряным, с жемчугом. Она стояла перед зеркалом и смеялась. Сказала: «Элизье, я выхожу замуж за демона, но в этом платье я похожа на ангела. Как иронично».

Я улыбнулась. Я почти не помнила мать — только размытые образы: тёплые руки, запах трав, тихий голос, который пел колыбельные. Она умерла, когда мне было шесть. Но я помнила, как она смеялась — это был единственный звук, который не мог заглушить даже огонь.

— Она была бы против этого платья, — сказала я. — Слишком вызывающее.

— О, да. Она предпочитала скромные наряды. Но вы — не ваша мать, Ваше Высочество. Вы — это вы.

— Вы — это вы, — повторила я.

— И ещё, — мадам Элизье понизила голос. — Она говорила: «Вейла родилась в огне. Пусть огонь будет её цветом».

Я сжала зубы, чтобы не показать, как дрогнуло сердце.

— Спасибо, — сказала я. — За это. И за платье.

Дверь открылась.

— Оставьте нас, — раздался голос.

Отец.

Мадам Элизье и помощницы выскользнули вон, как тени, — быстро и бесшумно. Жозефина напоследок бросила на меня испуганный взгляд и исчезла за дверь. Я осталась стоять перед зеркалом, чувствуя, как воздух в комнате сгущается. Присутствие Деоса всегда ощущалось физически — как давление, как жар от невидимого огня. Пламя в лампах дрогнуло и замерло, словно склоняясь перед ним.

Он подошёл и встал рядом. Его отражение было выше, шире, темнее. Лицо — словно высеченное из камня: резкие скулы, твёрдый подбородок, глубокие морщины, пролёгшие от носа к уголкам губ. Волосы, когда-то чёрные как мои, серебрились сединой. Я помню, как в детстве он подбрасывал меня к потолку, и его волосы развевались, как знамя. Теперь он постарел. Глаза — такие же, как у меня: тёмные, горящие, неуступчивые, — но вокруг них залегли тени.

— Ты злишься на меня за вчерашнее, — произнёс он. Это был не вопрос.

— Я в ярости, — поправила я, не отводя взгляда от зеркала. — Ты попытался выдать меня замуж, не спросив.

— Я предложил союз, который защитит тебя.

— Ты поставил меня перед фактом, — я наконец повернулась к нему. — Ты забыл, кто я? Я с пяти лет сжигала всё, что вставало у меня на пути. Когда мне было десять, я спалила целое крыло дворца, потому что ты запретил мне тренироваться с клинком. Ты думал, что сейчас я просто покорно пойду под венец с ангелом, которого никогда не видела?

— Я думал, что ты выросла, — сказал он сухо. — И научилась думать головой, а не огнём.

— Я научилась. И моё решение — Аскель.

— Аскель, — отец произнёс это имя как проклятие. — Ты опять о нём.

— О нём. О демоне, которого я люблю. Который никогда меня не предавал. Который не пытается мной управлять.

— Он — архивист, Вейла. Историк. Он работает с пыльными бумагами. Что он может дать тебе? Что он может дать Аду?

— Он даёт мне покой, — сказала я твёрдо. — Ты когда-нибудь задумывался, что мне нужно что-то, кроме войска? Что мне нужен кто-то, кто видит во мне не Королеву, а просто меня?

— Покой — это роскошь, — отрезал он. — Королева не может её себе позволить.

— Ты сам любил мать. Ты сам выбрал её.

— И она умерла! — его голос дрогнул, и пламя в лампах заметалось. — Умерла, потому что я был слишком занят войной, чтобы защитить её! Потому что у меня не было союзников! Потому что я был один!

Я замолчала. Он тяжело дышал, и морщины на его лице стали глубже. Я видела его не как правителя — как человека. Старого, уставшего, сломленного. Он редко показывал эту сторону. Ещё реже я позволяла себе её видеть.

— Ты думаешь, я не понимаю? — спросила я тише. —

Думаешь, я не знаю, что такое потеря? Я помню тот день, когда умерла мать. Помню, как ты стоял у окна и смотрел в пустоту. Ты не плакал. Ты просто стоял. И я поклялась, что никогда не буду такой же сломленной, как ты.

Он вздрогнул, но не ответил.

— Я не слабая, отец. Я не нуждаюсь в ангеле, чтобы защитить меня. Я сама — защита.

— Дело не в силе, Вейла. Дело в том, что мир, в котором ты правишь, огромен. И одинокий трон — это ловушка.

— Я не буду одинока. Со мной будет Аскель.

— Аскель, — повторил он, и в его голосе прозвучала не злость, а усталость. — Я изучал его. Он копается в таких разделах архива, куда даже мои генералы не имеют доступа. Ты знаешь, что он ищет?

— Знания, — ответила я. — Это его работа.

— Это не всё.

— Может, и не всё. — Я скрестила руки. — Но я доверяю ему. И пока он не дал мне повода сомневаться, я не отступлю.

Отец долго смотрел на меня. Потом вздохнул — тяжёлым, долгим вздохом.

— Ты упряма. Как твоя мать.

— Я знаю.

— И ты не отступишь.

— Никогда.

Он кивнул. Медленно.

— Что ж. Тогда будь готова к тому, что твой выбор имеет цену. Я пытался защитить тебя. Но ты выбрала иной путь.

— Я всегда выбирала иной путь, — я посмотрела ему прямо в глаза. — И справлялась. Помнишь, как ты впервые пришёл ко мне Рэвела? Ты сказал: «Она слишком дикая, сломай её». А он посмотрел на меня и сказал: «Я не буду её ломать. Я научу её направлять огонь».

— Я помню, — тихо сказал отец.

— Так вот. Я не сломалась. Я стала сильнее. И сейчас я не сломаюсь.

Он долго молчал. Потом, неожиданно, протянул руку и коснулся моего плеча — легко, почти неуловимо.

— Ты уже сильная, — сказал он. — Сильнее, чем я был в твоём возрасте. Но сила не спасает от ошибок.

— Я знаю. И я готова за них платить.

Он убрал руку. Выпрямился. И вышел.

Я осталась стоять перед зеркалом в своём коронационном платье. В моём платье. В моём доспехе. И я знала, что только что одержала ещё одну победу — но на этот раз над тем, кого любила. И эта победа была горькой.

Я вернулась в покои только к полудню. Аскель ждал меня на подоконнике — там же, где сидел вчера. Босой, с книгой на коленях — старый фолиант в потёртом кожаном переплёте, который он, кажется, читал уже вторую неделю. Он поднял голову, когда я вошла, и улыбнулся.

— Ну как?

— Отец назвал меня упрямой.

— Ничего нового. — Он отложил книгу и подошёл. — А ты?

— Я сказала ему, что не выйду за Кассиэля. Что выбираю тебя.

Аскель взял мои руки в свои. Его пальцы были прохладными, и от этого прикосновения я наконец выдохнула. Весь день — напряжение, гнев, страх — схлынули, когда он коснулся меня.

— Он сказал, что ты скрываешь что-то, — добавила я. — Что ты копаешься в запретных разделах архива.

Он замер. Всего на секунду — но я заметила.

— Я — архивист, — сказал он ровно. — Копаться в разделах — моя работа.

— Я знаю. — Я посмотрела ему в глаза. — И я не требую, чтобы ты рассказывал мне всё прямо сейчас. Но когда-нибудь... ты расскажешь?

Он долго молчал. Потом поднёс мою ладонь к губам и поцеловал.

— Когда-нибудь, — сказал он. — Когда будешь готова.

— Я готова ко всему.

— Я знаю. — Он улыбнулся, но в улыбке была грусть. — Поэтому я и люблю тебя.

За окном клубился алый сумрак. До коронации оставалось три дня. До его ухода — три дня. Я не знала этого. Я стояла, держа его за руку, и верила, что всё будет так, как я

решила.

Потому что так было всегда. Потому что я — Вейла. И я всегда получала то, что хотела. А хотела я его. И никто — ни отец, ни ангелы, ни сама судьба — не мог этого изменить. По крайней мере, так я думала.

Кромвелл.

3 дня до коронации

Кромвелл встретил нас тишиной. Ворота открылись со скрипом, тем самым, что я слышал тысячу раз и никогда не замечал, а теперь он отдавался в груди, как удар колокола. Стражники у входа переглянулись, увидев наши лица, и ни один не спросил, как прошёл рейд. Не нужно было спрашивать. Достаточно было посмотреть.

Корна увели в лазарет — не раненого, просто... сломанного. Кас отправился следом, придерживая плечо и бормоча, что сам себя зашьёт, если лекари будут копать. Рейк снял с коня тело Дейна, завёрнутое в его же плащ, и понёс через весь двор на руках, хотя мог бы позвать носилки. Никто его не остановил.

Я не пошёл домой. Не сразу. Ноги сами понесли меня к круглой башне без окон, туда, где всегда горели масляные лампы и пахло воском и старой картой.

Генерал поднял голову, когда я вошёл, не дожидаясь приглашения. Один взгляд на моё лицо — и он отложил перо.

— Докладывай.

Я докладывал. Сухо, по уставу, как учили, — потери, число врагов, природа портала, артефакт. Голос держался ров-

но, будто принадлежал не мне, а кому-то другому, более собранному, кто умел не чувствовать, пока не закончит фразу.

— Дейн погиб. Корн в шоке, но цел. Кас ранен, не критично. — Я сделал паузу. — Лейла пропала. Без следов борьбы. Портал не адский — она была уверена в этом до последней секунды.

Генерал слушал, не перебивая, и только когда я закончил, тяжело выдохнул и потёр лицо ладонью.

— Сядь, Лоренц.

— Я в порядке.

— Я не спрашивал, в порядке ли ты. Сядь.

Я сел — не потому что хотел, а потому что ноги внезапно перестали быть надёжными.

— Мне жаль, — сказал он, и в его голосе было то, что редко проскальзывало сквозь привычную суровость. — Я знаю, что для тебя значила эта девушка.

— Значит, — поправил я. — Не значила. Значит.

Он не стал спорить.

— Иди домой. Поспи, если сможешь. Поешь, если получится. Через несколько дней поговорим о том, что делать дальше — мне нужно сперва свериться с донесениями, прежде чем скажу тебе что-то определённое. А пока отдыхай. Это приказ.

Я кивнул и встал, хотя каждая клетка тела требовала остаться и требовать ответов немедленно. Но дисциплина — единственное, что у меня осталось целым, — заставила меня

просто выйти.

Не помню, как дошёл до башни. Помню только, что стоял перед дверью нашей квартиры — нашей, я всё ещё так думал, хотя слово уже не подходило, — и не мог заставить себя взяться за ручку.

Когда всё-таки вошёл, дом встретил меня тем же запахом, что и всегда: оружейное масло, пыль фолиантов, и под этим — её. Цитрус, вербена, аконит, въевшиеся в стены так глубоко, что их, наверное, не выветрит и десять лет. Только сегодня этот запах не дарил покоя. Сегодня он резал, как клинок под рёбра.

Я по привычке обошёл третью половицу у двери — и замер, занеся ногу над четвёртой. Привычка, которая теряла смысл с каждым шагом. Будить было некого.

На кухне капал кран. Кап-кап-кап. Тот самый, который я всё собирался починить и так и не починил. Звук, который раньше тонул в её голосе, в её смехе, в скрипе карандаша по кальке, теперь был единственным звуком в квартире, и он показался мне оглушительным.

Я сел на пол гостиной — там, где обычно сидел рядом с ней, пока она чертила, — и просто смотрел на пустое место на ковре, где должна была лежать стопка её бумаг. Оллен, видимо, забрал часть в лабораторию. Остальное так и осталось там, где она его бросила: раскрытый блокнот, карандаш, закатившийся под кресло.

Я не плакал. Не смог тогда на поле, не смог и здесь. Что-

то во мне держало эту дверь на замке — может, страх, что если открою, то больше никогда не закрою. Я просто сидел, сжимая в кулаке её записку, пока за окном не стемнело полностью, а потом не рассвело снова.

Следующие три дня я провёл, пытаясь сломать шифр.

Я разложил записку на столе, рядом — её старые лабораторные журналы, которые сумел найти, надеясь, что узнаю руку, систему, хоть что-то знакомое. Значки были похожи на созвездия — она сама так писала, и сходство не обманывало: ровные группы точек и линий, будто кто-то перенёс на бумагу карту неба. Но карта неба, которую я знал, не складывалась ни в одно слово.

Я пробовал накладывать её на звёздные атласы из библиотеки. Пробовал считать символы по группам — три, пять, семь — в поисках закономерности. Пробовал просто смотреть на неё часами, как будто значки могли сами признаться, что значат, если достаточно долго в них всматриваться.

Ничего.

На третий вечер в дверь постучал Рейк. Не дождавшись ответа, вошёл сам — с двумя мисками каши и видом человека, готового к скандалу.

— Ты ел сегодня? — спросил он, ставя миску передо мной с грохотом, явно рассчитанным на то, чтобы я подскочил.

Я не подскочил. Я даже не поднял головы от записки.

— Не хочу.

— Я не спрашивал, хочешь ли ты. Я спросил, ел ли ты.

— Рейк.

— Что — Рейк? — он сел напротив, прямо на пол, скрестив ноги, как в детстве, когда мы только начинали в академии. — Лоренц, ты три дня не выходил из башни. Кас говорит, ты даже не спустился, когда хоронили Дейна.

Что-то в груди сжалось так резко, что я едва не выронил карандаш.

— Я не мог.

— Я знаю, — сказал он тише. — Никто тебя не винит. Но каша остывает, а призраков голодом не накормишь, так что ешь давай, пока я не начал кормить тебя сам, как маленького.

Я фыркнул — почти смех, первый за три дня, и от этого стало только хуже, потому что напомнил, что смех вообще ещё существует в мире, где её больше нет рядом, чтобы его услышать.

— Что это? — он кивнул на разложенные на столе значки.

— Шифр. Её шифр. Не могу разобрать.

Рейк наклонился, рассматривая записку с тем же сосредоточенным прищуром, с каким разглядывал тропы зверья в лесу.

— Похоже на звёзды.

— Я пробовал звёзды. Не сходится.

— А пробовал не звёзды, а её формулы? Она же вечно мешала алфавиты — то рунами писала, то этими своими значками для элементов. Может, это не созвездия, а её собственная тарабарщина, которую только она и понимает.

Я уставился на него.

— Что?

— Что слышал. Сходи к Оллену. Если кто и разберёт её почерк, не считая тебя, то он. Он три года расшифровывал её каракули в журналах.

Я отложил карандаш медленнее, чем следовало бы, — будто признание, что сам я не справлюсь, было ещё одним маленьким поражением, которое не хотелось засчитывать.

— Хорошая мысль, — сказал я наконец.

— У меня бывают, — Рейк подвинул ко мне миску ещё ближе. — А теперь ешь. Это не обсуждается.

Я съел. Не потому что хотел, а потому что было проще сдать, чем спорить с Рейком, когда у него такое лицо.

Лаборатория в подземном ярусе встретила меня знакомым запахом — аконит, вербена, железная пыль. Только без её голоса, отдающего распоряжения, это место казалось пустой ракушкой, из которой вынули то, что в ней жило.

Оллен сидел за её столом, веснушчатый, бледный сильнее обычного, с тёмными кругами под глазами. Увидев меня, он выпрямился слишком резко, едва не опрокинув колбу.

— Лоренц. Я... — он замялся. — Я не знал, что сказать. С тех пор как вы вернулись.

— Не нужно ничего говорить, — я положил записку на стол перед ним. — Мне нужна твоя помощь.

Он взял листок осторожно, будто тот мог рассыпаться. Долго всматривался, хмурясь, поворачивая под разными уг-

лами к свету лампы.

— Это не созвездия, — сказал он наконец.

— Я знаю. Я пробовал.

— Нет, я имею в виду — это похоже на созвездия, потому что она так зашифровала формулы. Видишь вот этот значок? — он ткнул пальцем в один из символов. — Она его использовала для обозначения серебряной пыли в концентрации. А вот этот — для пыли. Это не язык. Это её химия, просто записанная не буквами, а узором.

Что-то внутри меня дрогнуло — не надежда ещё, но что-то рядом с ней.

— Ты можешь это прочесть?

— Частично. — Он потянулся к полке, достал толстый потрёпанный журнал — её последний, тот, что она вела последние месяцы. — Дай мне время сверить со старыми записями. Это не координаты и не послание словами, Лоренц. Это формула.

— Формула чего?

Он листал журнал, бормоча себе под нос, пока не остановился на странице, исчерканной её почерком — торопливым, но узнаваемым.

— Вот, — выдохнул он. — Стабилизатор. Она работала над ним последние недели. Должен был продлевать и удерживать открытым нестабильный портал — достаточно долго, чтобы пройти безопасно, без риска, что тебя разорвёт между мирами. Она так и не закончила тесты. Говорила, что ещё

рано, что формула капризная.

Я смотрел на страницу, не до конца понимая, что чувствую — будто пол под ногами сдвинулся на дюйм в сторону.

— Она готовилась куда-то идти, — сказал я медленно. — Заранее. До границы.

Оллен поднял на меня глаза, и в них было то же самое осознание, которое только что обожгло меня.

— Похоже на то.

Я не знал, что хуже — мысль, что её забрали против воли, или мысль, что часть пути она, возможно, выбрала сама. Но додумывать сейчас не было сил. Не пока я не найду её и не спрошу лично.

— Ты можешь доделать формулу?

— Понадобится время. И ингредиенты, которых у нас в обрез. — Оллен закрыл журнал, прижав его к груди, будто защищая. — Но да. Думаю, смогу.

— Делай, — сказал я. — Мне нужен стабилизатор. Скоро.

Генерал ждал меня в кабинете — как и обещал, ровно через три дня. Выслушал молча, не перебивая, пока я рассказывал про формулу Лейлы и догадку Оллена. Когда я закончил, он долго смотрел на карту, разложенную на столе, — на отметку северной границы, обведённую красным с того самого дня.

— Стабилизатор для прохода, значит, — сказал он наконец. — Твоя Лейла была умнее, чем мы заслуживали.

— Она не моя, — сказал я тихо. — Она пропала.

Он посмотрел на меня — этим своим взглядом, который видел меня насквозь ещё с пятнадцати лет, с того дня на пепелище.

— Лоренц. Я отправляю тебя не из жалости. Если бы дело было только в твоём горе, я бы запер тебя в казармах и заставил тренировать новобранцев, пока не полегчает. Но дело не только в этом.

Он развернул на столе другую карту — не северную границу, а целиком Тиддерию, утыканную красными метками. Я насчитал не меньше дюжины.

— Это что?

— Пропажи. За последние два месяца. Не только твоя Лейла — ещё семеро, в разных уголках страны. Все — рядом с аномальными порталами. Все — без следов борьбы.

Холод прошёл по спине, не имеющий ничего общего с погодой за окном.

— Все живы?

— Не знаю. — Он произнёс это тяжело, как камень кладут. — Никто не знает. Но закономерность одна: чем ближе к коронации в Агоне, тем чаще это случается. Будто что-то — или кто-то — испытывает границы между мирами. Готовится.

— К чему?

— Если бы я знал, я бы не сидел здесь и не объяснял тебе очевидное. — Он потёр переносицу, и впервые за весь разговор я увидел не командира, а уставшего старика, кото-

рый слишком долго несёт груз, не предназначенный для одних плеч. — Артефакт, который вы нашли, — холодный, не наш. Огни. Портал, не похожий ни на адский, ни на любой известный нам. И теперь пропажи, которые учащаются ровно к тому моменту, как в Аду должна взойти новая Королева. Совпадение? Может быть. Я давно перестал верить в совпадения.

Я молчал, переваривая.

— Ты хочешь, чтобы я пошёл в Агон, — сказал я наконец.

— Я хочу, чтобы кто-то пошёл в Агон и выяснил, что происходит, прежде чем это происходящее само придёт к нашим воротам. — Он посмотрел на меня в упор. — И раз уж твой личный путь и моё задание ведут в одну сторону — я предпочту, чтобы это сделал ты, а не кто-то менее заинтересованный в том, чтобы вернуться живым.

Я кивнул. Что-то внутри, тяжёлое и неподвижное последние три дня, наконец сдвинулось с места.

— Когда я смогу выдвигаться?

— Как только Оллен закончит формулу. Раньше не отпускаю — я не собираюсь хоронить тебя в какой-то трещине между мирами из-за нестабильного зелья.

— Принято.

Он встал, подошёл к шкафу в углу кабинета, отпер его старым ключом, который носил на шее под рубашкой. Внутри, на бархатной подложке, лежал клинок — длиннее моего обычного, с рукоятью, оплетённой серебряной нитью, по-

темневшей от времени.

— Это принадлежало охотнику, который однажды уже ходил за грань и вернулся, — сказал он, протягивая мне оружие. — Больше тридцати лет назад. Он не рассказывал, что видел. Но клинок прослужит тебе лучше, чем твой нынешний, если придётся иметь дело не только с нашей нечистью.

Я взял клинок. Тяжёлый, выверенный, словно созданный под чужую руку — но я знал, что притрётся.

— Спасибо.

— Не благодари, — он отвернулся к окну, к серому морю за стенами крепости. — Благодарить будешь, если вернёшься. С ней или без.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.